

Малород Д.Д.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ И БЫТА В ЕЛАГИНООСТРОВСКОМ ДВОРЦЕ: ИЗ ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ В КОНЦЕ 1910–1920-е гг.

Малород, Дарья Дмитриевна — сотрудник фондового отдела, ГМЗ «Петергоф», Россия, Санкт-Петербург, dariamalorod@yandex.ru.

После Октябрьской Революции 1917 года в России оформился новый вид музеев — историко-бытовые музеи или музеи быта. Под музеями быта понимались как музеи с воссозданными интерьерами дворянского, купеческого или, реже, рабочего быта, так и музеи, учреждаемые в интерьерах бывших дворцов царской семьи и знати, где сохранилась аутентичная обстановка. От дореволюционных аналогов данные музеи отличались тем, что они были государственными, а значит идеологизированными и, зачастую, куда более бедными. В статье автор рассматривает один из таких новообразованных музеев — музей, созданный в Елагиноостровском дворце и существовавший там в период после Октябрьской Революции 1917 года и до учреждения на острове Центрального парка культуры и отдыха в 1932 г. Следует отметить, что в отечественном музееведении история Елагиноостровского дворца сводится либо к рассмотрению его бытования как резиденции петербургской знати и царской семьи, либо к устройству на острове в 1930-е гг. ЦПКиО, а факты из истории 1920-х гг. остаются неисследованными. Автор обращается к архивным материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, чтобы восстановить картину жизни музея в конце 1910–1920-х гг. В статье автор последовательно останавливается на истории острова, финансовых аспектах музейной работы, особенностях экспозиционно-выставочной, просветительской и научной деятельности в рассматриваемый период. Данная работа призвана расширить наши представления о музейном строительстве в первые годы советской власти и восполнить недостающие сведения по истории бытования Елагиноостровского дворца.

Ключевые слова: музеефикация, национализация, музей истории и быта, дворцово-парковый комплекс, экспозиция, реставрация.

HOUSEHOLD MUSEUM IN THE YELAGIN PALACE IN 1910s–1920s

Malorod, Daria Dmitrievna — worker of the funds department, The Peterhof State Museum-Reserve, Russian Federation, Saint-Petersburg, dariamalorod@yandex.ru.

After the Great October Socialist Revolution a new type of museums appeared in Russia — household museums or historical museums of everyday life. The term was understood to mean both museums with recreated dwellings of nobles, merchants or working class, that took place less often, and also museums established in the palaces of the royal family and the nobility where the authentic interiors were preserved. These museums differed from their pre-revolutionary counterparts essentially because they were state-owned which meant they took on ideological undertones and often were much poorer. In the article the author examines one of these newly formed museums on the example of the Elagin Palace in the period between the Great October Socialist Revolution of 1917 and the establishment of the Central Park of

Culture and Recreation on the island in 1932. It should be noted that in Russian museology the history of the Elagin Palace is restricted either to the consideration of its existence in the hands of the St. Petersburg nobility and the royal family, or to the establishment of the Central Park on the island in the 1930s, so the facts from the history of the 1920s remain unexplored. The author examined the archival materials of the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg to reconstruct the course of events on the island in the late 1910s—1920s. In the article the author consistently focuses on the history of ownership of the island, the financial aspects of museum work, the peculiarities of creating expositions and exhibitions, educational and scientific activities during the period under review. The article is intended to expand our understanding of museum construction in the first years of Soviet state and fill in the missing information on the history of the Yelagin Palace.

Key words: museumification, nationalization, household museum, museums of history, park-and-palace complex, exposition, restoration.

Из истории дворцово-паркового комплекса Елагина острова

Находящиеся в удаленном от центра тогдашнего Санкт-Петербурга месте, которое окружали живописные рукава Невской дельты, Каменный, Елагин и Крестовский острова на два столетия закрепили за собой функцию служить резиденциями приближенных и семьи императора¹.

Елагин остров около 1709 г. был пожалован Петром I во владение вице-канцлеру П.П. Шафирову². В 1777 г. остров купил обер-гофмейстер двора Екатерины II И.П. Елагин, имя которого остров и дворец носят по сей день. Именно стараниями И.П. Елагина остров был облагорожен: его крестьяне осушали заболоченные участки и протоки, вырубали лес ради устройства дорожек и подъездов, сооружали мостики и гроты³.

В 1817 г. Александр I выкупил остров у последнего владельца, графа Г.В. Орлова⁴. В 1818–1820 гг. архитектор К.И. Росси по заказу императора перестроил старый барский дом — на его месте появился дворец в неоклассическом стиле, предназначавшийся для императрицы Марии Федоровны, матери императора. В украшении дворца принимали участие скульпторы С.С. Пименов и В.И. Демут-Малиновский, живописцы А. Виги, И.К. Скотти и Б. Медичи⁵, парк был разбит садовым мастером Дж. Бушем. В то время в моду вошел ландшафтный стиль, в соответствии с которым регулярный парк Елагина (порядком запущенный к 1810–1820-м гг.) с лучевыми аллеями и строгой планировкой был переделан в пейзажный парк, для которого характерны обилие зелени, пруды, художественная неряшливость и кольцевые маршруты для прогулок⁶. Сто лет дворец находился во владении Романовых, за данный период интерьеры неоднократно переделывали.

После событий Октябрьской революции 1917 года помещения Елагиноостровского дворца были осмотрены Художественно-исторической комиссией, созданной при Зимнем дворце в июле 1917 г., в числе первых (наряду с покоями императорской семьи в самом

¹ Анциферов Н.П. Непостижимый город. Л., 1991. С. 6.

² Трофимова Н.Ю., Цветаева М.Н. Философия историко-культурного пространства Санкт-Петербурга на примере наследия Каменного и Елагина островов // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 127.

³ Демидова Д.А. Парк на Елагином острове в Санкт-Петербурге // Вестник МГУЛ—Лесной вестник. 2000. № 5. С. 45.

⁴ Шмидт Б.Е. Елагин остров. Императорский дворец: История и архитектура. СПб., 1999. С. 73.

⁵ Путеводитель по Ленинграду: С прил. карты Ленинграда. Л., 1937. С. 193.

⁶ Демидова Д.А. Парк на Елагином острове в Санкт-Петербурге. С. 47.

Зимнем дворце, а также Летнем дворце). Эти и еще 25 особняков получили особые охранительные листы, которые были призваны предотвратить перепродажу дворцового имущества немусейным организациям и выставление предметов искусства и быта на публичные торги⁷.

В 1918 г. Елагин дворец объявляется Музеем истории и быта⁸, как и многие другие национализированные дворцы. Вследствие того, что подобных музеев было много, данные учреждения продолжали называть по старым названиям дворцов, в частности, Елагиноостровский дворец в официальных документах, отчетах и проч. называли не иначе, как «Елагиноостровский дворец» или «...дворец-музей».

Собственно музей в Елагиноостровском дворце просуществовал всего 11 лет—с 1918 г. по 1929 г. В течение этого непродолжительного периода скромными силами, не имея большого штата специалистов, сотрудники дворцово-паркового комплекса старались сохранить здания и сооружения на территории острова от разрушения, спасти дворцовое имущество от расхищения, помогали уберечь предметы из национализированных дач Крестовского и Каменного островов, перевоза их в свои фонды⁹.

За 11 лет существования музея у него было два директора, с 1918 г. по 1925 г. эта должность называлась «хранитель и смотритель зданий Елагиноостровского дворца-музея», а с 16 марта 1925 г. она была переименована в должность «заведующего хозяйством Елагиноостровского дворца-музея»¹⁰. В 1918–1926 гг. музей возглавлял Н.П. Никитин, а с 1926 г. и до упразднения музея в 1929 г.—Е.В. Медведев, крестьянин по происхождению, также много сделавший для сохранения Елагиноостровского дворца после Революции¹¹.

За годы работы в Елагиноостровском дворце-музее оба директора сталкивались с огромным количеством трудностей, корни которых сводились либо к недостатку финансовой базы, либо к идеологизации музейной деятельности, которая активно навязывалась вышестоящими органами власти. Далее мы рассмотрим, как в музее решали финансовый вопрос и каким образом развивалась экспозиционно-выставочная, просветительская и научная деятельность.

Проблематика финансирования и специфика коммерческой деятельности

В декабре 1921 г. с созданием Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука) была предпринята попытка объединения советских музеев в единую музейную сеть. Однако в связи с тяжелым экономическим положением в стране, государство не могло обеспечивать существование многих музеев, на остальные же резко снизилось ассигнование, некоторые музеи были переведены на и без того скромный местный бюджет. Как следствие, в 1921–1922 гг. музейная сеть в стране стала резко сокращаться. В тех музеях, в которые еще принимали посетителей, производилось многократное за эти годы сокращение штата. В 1923 г. некоторые музеи возобновили функционирование, но финансирования по-прежнему не хватало¹².

⁷ Анисимова М.В. Историко-бытовой отдел Русского музея: формирование, развитие, ликвидация // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 109.

⁸ Шмидт Б.Е. Елагин остров. С. 87.

⁹ Официальный сайт Елагиноостровского дворца-музея. См. по адресу: <https://elaginpark.org/central-park/museums/elaginoostrovskiy-dvoretz-muзей/> (ссылка последний раз проверялась 29.04.2021).

¹⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее—ЦГАЛИ СПб). Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 175 об.

¹² Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917—I половина 60-х гг.). М., 1988. С. 47, 50–52.

Доход от продажи входных билетов был относительно небольшой: 10 коп. для экскурсантов и 21 коп. для отдельных посетителей. При этом следует помнить, что посещаемость дворца-музея напрямую зависела от сезона. Так, летом 1925 г. число отдельных посетителей составило 182 человека, а в составе экскурсий—более 2500 человек, к сентябрю эта цифра упала до 1800 человек¹³. В октябре количество отдельных посетителей составило 197 человек, а в составе платных экскурсий—1650 человек¹⁴. На январь 1926 г. месячный поток посетителей составил более 200 отдельных посетителей и около 300 человек в составе экскурсий¹⁵. В летние месяцы 1926 г. поток отдельных посетителей практически не изменился (остался в пределах 200 человек), а экскурсионное посещение снова выросло до 1500 человек¹⁶. Также стоит учитывать, что не все посетители платили за вход полную стоимость, некоторые категории граждан имели льготный тариф на посещение дворца-музея.

Отдельную группу составляли отдыхающие Каменноостровских домов отдыха, которые направлялись в музей нарядами Культотдела—так, в день музей принимал по 6–7 групп отдыхающих, около 30 человек в каждой¹⁷. С 21 мая 1925 г. плата за вход в составе экскурсионной группы для них снижалась до 5 коп. (вместо 10 коп.)¹⁸. Однако несмотря на щадящие условия доступа в музей, отдыхающие не соблюдали дисциплину, и музей был вынужден посылать жалобы в Управление домов отдыха о том, что они ложились на кровати в дворцовых интерьерах, ломали деревья, перелезали через ограды и т.д.¹⁹ В одном из рапортов в Управление говорилось: «один из них во время обозрения передвигал стулья, садился на них и вдобавок развалился на кушетке. На замечание сопровождавшего партию сторожа, что этого делать нельзя, ответил: “А зачем же я пришел, как не рассматривать все и узнать удобно ли лежать на этой вещи”»²⁰. Подобное поведение говорит о низкой культуре граждан в области посещения музеев в 1920-е гг., хотя памятка о том, как следует себя вести, прилагалась на оборотной стороне любого экскурсионного билета²¹.

Помимо льготных цен на входные билеты для отдыхающих, для отдельных категорий посетителей предусматривалось бесплатное посещение: крестьянские экскурсии, организовывавшиеся Экскурсионно-лекторской базой Ленинградского Губполитпросвета²², организованные экскурсии для воинских частей²³, посещение дворца студентами Академии художеств²⁴ и факультета языковедения и истории материальной культуры Ленинградского государственного университета²⁵ (по предъявлению ими студенческих билетов). Также последние два года существования музея (1928–1929 гг.) бесплатное посещение предоставлялось женщинам «8 марта— в день международного праздника участия женщины в рабочем революционном движении»²⁶.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 68.

²³ Там же. Л. 71.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 114.

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 90.

Для того, чтобы финансировать нужды музея, следовало искать дополнительные способы заработка. На совещании хранителей и заведующих хозяйствами пригородных дворцов-музеев 25 мая 1925 г. была принята резолюция следующего содержания: «Дворцы-музеи и парки, как единое целое, могут существовать и существование их может быть планомерно, при условии сохранения при них хозяйственно-эксплуатационных единиц, развитие коих может, в конечном итоге, должно привести к принципу самокупаемости Дворцов-музеев, так как эти хозяйственные единицы являются в настоящее время главным экономическим базисом Дворцов-музеев»²⁷.

Использование хозяйственно-эксплуатационных единиц подразумевало, например, сдачу неиспользуемых под музейные нужды помещений дворцово-парковых комплексов в аренду сторонним лицам и организациям. Так, помещения в большом Наследническом флигеле на Елагином острове со всей имеющейся мебелью и правом пользоваться общей дворцовой кухней сдавались в аренду гражданам за 20–22 р. в месяц. Если мы обратимся к договорам аренды за 1924–1925 гг., составленным по единой форме, то помимо пунктов, воспрепятствующих портить имущество дворца, сдавать помещения в субаренду, производить перестройку и т.п., мы встречаем такой пункт, который арендатор обязывается соблюдать: «В занимаемом помещении, службах и дворе запрещается держать домашних птиц, свиней, коз, крупный рогатый скот и других животных, могущих способствовать разведению нечистот»²⁸.

Также, согласно декрету СНК от 19 апреля 1923 г., Главнаука с 1925 г. разрешила Н.П. Никитину, заведующему Елагиноостровским дворцом-музеем, заключать договоры на сдачу в аренду мест под торговлю в парках, покосы, пастбища и т.д. «в целях извлечения спецсредств <...> на сумму не свыше 500 рублей в каждом отдельном случае»²⁹. Так, например, в апреле 1925 г. Елагиноостровский дворец-музей заключил договор с неким г-ном Крыловым на аренду 80 кв. саженной берега у 1-го Елагина моста под устройство лодочной станции. По договору, г-н Крылов мог пользоваться данной территорией в течение 5 месяцев (с мая по сентябрь включительно) и обязывался уплатить 500 р.³⁰ В июне 1925 г. павильон у того же 1-го Елагина моста дворец-музей сдал в аренду Ленинградскому союзу потребительских обществ (ЛСПО) для устройства пивной лавки также по сентябрь включительно. Согласно договору, помимо соблюдения чистоты, запрета на субаренду и т.д., ЛСПО обязывался самостоятельно оплачивать электричество в павильоне и произвести ремонт (побелка павильона, ремонт крыши, двери и оконных рам), причем договор уточнял: «по окончании срока сего договора весь произведенный ремонт остается в пользу Управления Елагиноостровского дворца-музея»³¹.

Помимо получения выгоды от сдачи в аренду помещений дворцового комплекса недостаток средств заставлял сотрудников музея частично разрушать созданный К.И. Росси и Дж. Бушем дворцово-парковый ансамбль³². В частности, мы знаем договоры на спил деревьев частными лицами на территории Елагиноостровского парка³³.

В связи с переходом страны к новой экономической политике все финансовые процедуры внутри музея, как то оплата хозяйственных нужд, доход от экскурсионной деятельности,

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6.

²⁹ Там же. Л. 14.

³⁰ Там же. Л. 15.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

³² Шмидт Б.Е. Елагин остров. С. 87.

³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

доход от арендаторской ренты и проч., строго контролировались руководящим органом, Главнаукой³⁴.

В 1920-х гг. Елагиноостровский дворец-музей также сотрудничал с киностудиями Ленинграда. В мае 1926 г. в музей обратились представители «Севзапкино»³⁵ с просьбой предоставить предметы для съемок. Сотрудничество с кинофабрикой происходило с разрешения Главнауки: «препятствий к выдаче предметов из Елагиноостровского дворца-музея для съемки Кино-Фабрики Севзапкино не встречается, — но при выдаче предметов надлежит составлять договор и акт с указанием оценки таковых <...>. Съемка предметов первостепенного значения по возможности должна производиться на месте без вывоза их на киностудию»³⁶. Спустя несколько месяцев, в декабре 1926 г., Елагиноостровский дворец предоставил кинофабрике «Совкино»³⁷ во временное пользование несколько предметов из собрания музея. Всего в акте договора³⁸ числился 41 предмет, среди них по большей части присутствовала старая мебель: столики, стулья, подсвечники, часы, бюро, зеркала, ширма и т.д., а также несколько картин и гравюр. За аренду одного предмета кинофабрика должна была заплатить от 5 р. (например, за зеркальную раму) до 450 р. (за люстру XIX в.).

На территории дворцово-паркового комплекса даже была предусмотрена система штрафов, также пополняющих бюджет дворца-музея: за поломку древесных насаждений — 1 р., за хождение по газону и за катание велосипедистов по пешеходной дорожке — по 50 коп., за проезд на автомобиле по пешеходным и запрещенным дорожкам — 3 р.³⁹

Ранее мы говорили, что одним из решений проблемы финансирования было сокращение штата сотрудников музеев. Елагиноостровский дворец не был исключением. С 1918 г. по 1929 г. в штат музея входили: заведующий дворцом-музеем, завхоз, бухгалтер, главный садовод, профуполномоченный, коннорабочий, вахтер, кладовщик-кассир, истопник (хотя это была сезонная работа, с окончанием отопительного сезона Главнаука рекомендовала истопников увольнять⁴⁰), несколько сторожей, уборщиц и садовых работников⁴¹. Более того, списки личного состава в предоставленной Наркомпросом форме (таблица) с указаниями личных данных, партийности, социального положения (например, рабочий, крестьянин и проч.) и даже знания языков нужно было ежеквартально подавать в Главнауку⁴².

Экономия на персонале объяснялась также тем, что некоторые сотрудники могли совмещать несколько функций. Так, заведующий дворцом-музеем Е.В. Медведев, как архитектор по своей специальности, должен был получать удостоверение, что с 8 февраля 1926 г. (времени вступления в должность директора) он выполнял строительно-реставрационные работы по дворцу, и вставать на учет как член технического персонала⁴³.

³⁴ Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917—I половина 60-х гг.). С. 55.

³⁵ Такое название киностудия Ленфильм носила в 1922–1925 гг.

³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.

³⁷ Кинокомпания, существовавшая в СССР в 1924–1930 гг. и имевшая монопольное право на производство и прокат фильмов в СССР.

³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 29. Л. 8–13.

³⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 201.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

⁴¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 52. Л. 27.

⁴² Пример формы: Там же. Л. 38.

⁴³ Там же. Л. 1.

Зарплаты были небольшие: заведующий дворцом-музеем получал 150 р., завхоз—120 р., бухгалтер—65–75 р., истопник—45 р., сторожа и уборщицы по 42 р. в месяц. Зарплата садовых работников зависела от разряда: старший садовод получал 100 р., садовник I разряда—70 р., садовник II разряда—50 р., простой садовый рабочий—40 р. в месяц⁴⁴. Финансовая отчетность по окладам велась по кварталам отдельно для дворца⁴⁵ и отдельно для садоводства⁴⁶. Форма отчетности могла быть печатной либо рукописной. Помимо окладов на музей выделялись так называемые «спецсредства», которые заведующий мог употребить по своему усмотрению (на нужды музея или на прибавку к зарплате сотрудников), однако, как и любые действия с бюджетными финансами, распределение спецсредств требовало отчетности и обоснования перед вышестоящими органами⁴⁷—несмотря на жесткость финансового контроля, такие отчеты были скорее формальными, нежели привлекали реальное внимание.

В конце 1920-х гг. Главнаука отправляла в музей, в том числе и в Елагиноостровский дворец-музей, требования предоставить описи предметов, подлежащих реализации, т.е. продаже⁴⁸. Известно, что 30 июля 1927 г. на счет спецсредств дворца-музея из Губернской приходно-расходной кассы поступили отчисления в размере 60 % (74 р.), выреченные от продажи части экспонатов⁴⁹.

Таким образом, мы видим, что музей старался приумножить свои бюджетные средства любыми доступными способами, многие из которых могли негативно сказываться на художественном, архитектурном и природном наследии царской резиденции, однако без таких мер сохранить получилось бы гораздо меньше. С музейной точки зрения, мы, конечно же, негативно отнесемся к сдаче в аренду помещений дворцового комплекса, устройству на его территории огородов, вырубке деревьев и предоставлению безо всякой защиты и современных способов фиксации сохранности предметов в аренду кинофабрикам. Тем не менее, хранители Н.П. Никитин и Е.В. Медведев взяли на себя эту ответственность, и мы не можем с большой вероятностью определить, как сложилась бы судьба здания дворца и коллекции, поступи они иначе.

Экспозиционно-выставочная, просветительская и научная деятельность

Основной задачей Музея истории и быта в Елагиноостровском дворце было сохранить и продемонстрировать покои и интерьеры царских особ. Музей осуществлял научную работу «по изучению дворца в историко-бытовом отношении»⁵⁰. С открытием музея доступ публики был ограничен парадными залами первого этажа. Затем, 1 августа 1926 г., для обозрения посетителей открылись «интимные комнаты II-го этажа, церковь и запасные комнаты I-го этажа»⁵¹, остальная часть второго этажа предназначалась для устройства временных выставок⁵².

По большей части, экспозицию удалось создать с помощью предметов, уже имеющихся во дворце, однако, например, ковры эпохи Александра I и Николая I, ранее принадлежавшие

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 45. Л. 3, 9, 11–13.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 14.

⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 15.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 34. Л. 179.

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 207.

⁵⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

⁵¹ Там же. Л. 15.

⁵² Там же. Л. 17.

дворцу, музей просил вернуть из центральных складов Госфонда⁵³. Входная плата в эти залы составляла 10 коп. для экскурсантов и 21 коп. для отдельных посетителей⁵⁴. Однако уже спустя месяц Центральная экскурсионная база рекомендовала дворцу поднять плату за вход для отдельных посетителей до 30 коп. и треть отчислять руководящему органу⁵⁵.

Фонды музея нельзя было назвать обширными. Известен рукописный Акт от 25 марта 1926 г., составленный заведующим Е.В. Медведевым и бывшим заведующим Н.П. Никитиным, в котором по Инвентарной книге Елагиноостровского дворца приводится список всех помещений и количество хранимых музеем предметов в каждом из этих помещений⁵⁶. По данному списку на март 1926 г. в музее на учете стояли 2025 предметов⁵⁷. Этими предметами музей наполнял постоянную экспозицию и с их помощью устраивал временные выставки.

Летом и осенью 1926 г. в Елагиноостровском дворце прошли три большие выставки: две по декоративно-прикладному искусству — первая посвящалась способам обработки глины, вторая — технической и художественной обработке дерева, — и еще одна по графике/гравюре по металлу, на дереве, линолеуме, офортам и литографии⁵⁸.

Елагиноостровский дворец-музей сотрудничал с другими музеями в контексте устройства выставок. Весной 1926 г. дворец-музей в лице Е.В. Медведева принял из музея в усадьбе Марьино три гравюры для устройства временной выставки «Природа, искусство и быт островов»⁵⁹: «Вид дворца Каменного острова с дачи графа Строганова», художник С.Ф. Щедрин, гравер С.Ф. Галактионов, «Вид дворца Каменноостровского со стороны сада», художник С.Ф. Щедрин, гравер А.Г. Ухтомский, «Вид с Каменного острова противоположащего ему берега», художник С.Ф. Щедрин, гравер А.Г. Ухтомский⁶⁰.

Летом 1926 г. Елагиноостровский дворец предоставил «во временное пользование»⁶¹ четыре картины из своего собрания Петергофским дворцам-музеям⁶²: «Приморский парк с гуляющей публикой» (инв. № 319), три картины под названием «Архитектурный пейзаж» (инв. № 483, 484, 485). Чуть позже хранитель дворцов-музеев Е.М. Тихвинский подавал прошение в Ленинградское отделение Главнауки с просьбой передачи этих картин в ведение Управления Петергофскими дворцами-музеями, т.к. они были им «необходимы как бытовой материал, прекрасно иллюстрирующий быт XVIII в. и содержащий весьма ценные для Петергофа элементы садово-паркового строительства XVIII в.»⁶³.

Ленинградское отделение Главнауки контролировало не только финансовую отчетность и взаимоотношения между музеями, но и их просветительскую деятельность: в феврале 1926 г. в Елагиноостровский дворец пришло требование заполнить особую анкету, где среди прочих были вопросы такого характера: «Какие популярные издания/книги,

⁵³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.

⁵⁴ Там же. Л. 19.

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

⁵⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

⁵⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

⁶⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

⁶¹ Там же. Л. 3.

⁶² Со стороны Петергофских дворцов-музеев картины принимали одновременно двое сотрудников: помощник хранителя Н.П. Удаленков и научный сотрудник А.В. Сергеев. По: ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 24.

брошюры, статьи, листовки и т.п./ выпущены или подготовлены к выпуску?», «Проведено популярных лекций и докладов в открытых заседаниях: <...>», «Сколько проведено лекций эпизодических и цикловых?», «Организация концертов и театральных постановок: <...>»⁶⁴. В ответном письме было сказано, что Елагиноостровский дворец в рамках просветительской деятельности ограничивался только проведением экскурсий⁶⁵. Однако руководство музея неоднократно отправляло в Главнауку прошения об ассигнованиях на устройство при дворце популярных лекций: «просим об открытии кредита на образование лекционного зала во II этаже дворца под вестибюлем. <...> всего 300 рублей», но ответ со стороны руководящих органов был отрицательным: «Главнаука Наркомпроса настоящим сообщает, что отпустить средства на организацию популярных лекций по госбюджету в настоящее время не представляется возможным. Означенный расход надлежит произвести за счет спецсредств Музея»⁶⁶.

Реставрационная деятельность музея также контролировалась вышестоящими органами. 19 апреля 1927 г. от Главнауки поступило распоряжение: «при разрешении вопроса о производстве реставрационных работ садовой и парковой архитектуры в тех случаях, когда она имеет несомненное музейное значение, как общее правило, таковых работ не производить и ограничиваться только принятием мер к тому, чтобы в дальнейшем пострадавшая скульптура не подвергалась разрушению. Для разрешения вопросов, связанных с реставрацией садово-парковой скульптуры, имеющей музейное значение, необходимо созывать специальные комиссии из специалистов Эрмитажа и Русского музея. Все реставрационные работы этого порядка без обсуждения их вышеуказанной комиссией не разрешаются»⁶⁷. Однако в действительности все происходило несколько иначе.

В Елагиноостровском дворце за весь период существования там музея истории и быта никогда не было своей реставрационной мастерской и штатных реставраторов. Если возникала необходимость произвести ремонт тех или иных объектов, руководство музея обращалось за помощью в Ленинградскую государственную реставрационную мастерскую (ЛГРМ), решение о порядке проведения реставрации и прием ее результатов по окончании работ проводились, как правило, комиссией, в которой не было специалистов из Эрмитажа и Русского музея, а были 1–2 представителя ЛГРМ и руководство Елагиноостровского дворца-музея. Сохранились сведения о реставрации нескольких скульптурных элементов в конце 1920-х гг.

Так, в июле 1929 г. производилась реставрация мраморных ваз у террасы Елагинского дворца, работами руководил скульптор-реставратор И.В. Крестовский. В акте о приеме комиссией работы реставратора от 18 июля 1929 г. мы можем увидеть описание выполненной реставрации: «Одна из ваз (нижняя, справа лестницы) вполне очищена от мха, плесени и отмыта на ней грязь. Из сквозных трещин этой вазы удалена цементная замазка, трещина внутри расчищена и залита шеллаком с постановкой пяти медных скоб. Снаружи трещины заделаны цементом светло серого цвета, подходящего к цвету мрамора. В состав цемента-альбололита, при осмотре оказавшийся вполне затвердевшим, по заявлению И.В. Крестовского, входит магнезия с водным раствором хлористого магния с добавлением мраморной пыли. На снятой с вазы крышке укреплен на медном пироне отбитая верхушка с заливкою шеллаком и заделкою наружного шва тем же цементом.

⁶⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 9, 18.

⁶⁶ Переписка по: ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 38.

⁶⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 25. Л. 126.

Крышка будет поставлена на свинцовую прокладку, зачеканенную снаружи во избежание затека в вазу дождевой воды. Сверх сего для устранения воды, которая могла бы скапливаться на дне вазы, просверлено отверстие в галтеле⁶⁸ нижнего пояска на вазе. Все эти работы по реставрации вазы исполнены тщательно и целесообразно и могут производиться таким же образом при реставрации прочих 3-х ваз»⁶⁹.

Другой пример реставрации известен по акту от 27 августа 1929 г. и связан с каменными статуями здания кухни Елагиноостровского дворца, с которыми работал скульптор В.В. Козлов. Скульптор также расчистил фигуры от грязи и мха и заделал мелкие раковины и швы мастикой. Когда встал вопрос о восполнении недостающих крупногабаритных элементов, комиссия в составе заведующего ЛГРМ (А.П. Удаленков), старшего эксперта ЛГРМ (Г.И. Котов) и заведующего Елагиноостровским дворцом-музеем (Е.В. Медведев) постановила: «ввиду отсутствия документов, поручается художнику, скульптору В.В. Козлову, заканчивать все недостающие части, руководствуясь общим характером и стилем каждой фигуры в отдельности, и окончательную редакцию согласовав с Реставрационной Мастерской»⁷⁰.

Исходя из вышеупомянутых примеров, мы можем сделать вывод, что в конце 1920-х гг. были сделаны первые шаги к научной реставрации: обращение к историческим источникам, принятие коллективного решения по способу реставрации, документирование процесса реставрации и фиксация материалов, примененных в реставрации, — что, безусловно, полезно для дальнейшей работы с памятниками дворцово-паркового комплекса Елагина острова.

Таким образом, в силу жесткого контроля со стороны вышестоящих органов, недостаток финансирования и информации, Елагиноостровский дворец-музей не мог выполнять свою музейную функцию в полном объеме: научная работа ограничивалась устройством рядовых выставок, популярные лекции не проводились, книги по истории дворца и его коллекций не издавались, постоянная экспозиция ограничивалась демонстрацией интерьеров. Тем не менее, мы должны отметить стремление сотрудников участвовать в музейной жизни, сотрудничать с другими музеями, вести минимальный учет коллекций и предотвращать разрушение архитектурных и декоративных элементов дворцово-паркового комплекса.

Упразднение Музея истории и быта и дальнейшая судьба Елагина острова

В 1929 г. Музей истории и быта в Елагиноостровском дворце был закрыт. Персонал был поставлен в известность о закрытии музея по факту — 6 ноября 1929 г. на имя директора музея поступила телефонограмма за подписью заместителя заведующего Экскурсионно-лекторской базы М. Кебо следующего содержания: «В связи с ликвидацией Елагиноостровского дворца <...> База предупреждает Вас и предлагает предупредить не позднее 7/ХІІ–29 г. в письменной форме всех подлежащих увольнению и переводу в Г.И.О.Л. сотрудников. Указанный вопрос согласовать с профсоюзной организацией»⁷¹.

Многие предметы из его коллекции, особенно предметы искусства XIX в., были проданы за границу (через магазины Торгсин)⁷², остальные пополнили собрания крупнейших музеев Ленинграда: Эрмитажа, Русского музея, Гатчинского, Детскосельского

⁶⁸ Галтель — исполнение поверхности в форме желоба, вогнутого и выпуклого.

⁶⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 46. Л. 13.

⁷⁰ Там же. Л. 12.

⁷¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 52. Л. 52.

⁷² Шмидт Б.Е. Елагин остров. С. 87.

и Павловского дворцов-музеев, некоторые предметы из драгоценных металлов, в том числе, оклады икон из дворцовой церкви, поступили в различные финансовые организации⁷³.

Состояние зданий также оставляло желать лучшего. Из акта передачи движимого и недвижимого имущества дворца-музея от завхоза П.С. Куликова, оставляющего должность, новому завхозу В.С. Малышеву, вступающему в должность, мы узнаем, что на апрель 1929 г. ни одно из зданий не находилось в хорошем состоянии, так: «Здание дворца в удовлетворительном состоянии, а также и три павильона. Большой Наследнический флигель, Великокняжеский флигель, Кухонное здание, большой Служительский дом, Новый дом, большой Смотрительский дом и Дом садоводства требуют среднего ремонта. Остальные здания требуют капитального ремонта»⁷⁴.

Еще до закрытия музея, в 1920-х гг. было решено переделать ансамбль острова под общественное место отдыха. В 1929 г. архитектор Л.А. Ильин, который в 1926 г. создал для острова ансамбль стрелки, выходящей на Финский залив, писал: «Кто справедливо гордится красотой островов, тот ужаснется, представив себе этот великолепный пейзажный парк, фон для чудесных построек знаменитого Карла Росси, загороженным, испещренным, обезображенным аттракционами, постройками, кинотеатрами, столовыми, ларьками и т.д., заполненным гуляющими до предела, так что деревья не видно, а уж газонов и подавно, вместо которого бумажки и папиросные коробки. Это был уже не отдых в зелени <...>, а вполне бесполезная толкучка, сутолока и теснота»⁷⁵. Тем не менее, по инициативе С.М. Кирова на Кировских островах⁷⁶ (остров Трудящихся⁷⁷, Крестовский и Елагин) согласно решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 декабря 1931 г.⁷⁸ началось строительство городского Центрального парка культуры и отдыха (ЦПКиО).

В силу единенности ландшафта, красоты пейзажа, обширности парковой зоны и, конечно, привлекательной композиционной доминанты в виде небольшого очаровательного дворца, Елагин остров, как мы можем судить по рекламной литературе того времени, был весьма привлекательным местом отдыха горожан. По статистике первой половины 1930-х гг. в год ЦПКиО принимал до 30 000 человек, а в праздничные дни до 200 000 человек⁷⁹. Ничего удивительного в таких цифрах нет, т.к. строительство продвигалось довольно активно. К 1937 г. была завершена первая очередь работ по устройству парка культуры и отдыха: за это время на территории острова появились ресторан-пристань, театр-эстрада на 2000 мест, читальни, киоски, велостанция, физкультурный городок, детский городок, танцевальный павильон, были «сооружены» два пляжа, а также началось строительство городка науки и техники⁸⁰.

Елагиноостровский городок науки и техники, хотя и не назывался музеем, отчасти являлся и выставочным центром тоже. В путеводителе по Ленинграду 1937 г. мы встречаем такое описание: «Павильоны городка освещают новости науки и техники, знакомят со станхановскими методами работы, раскрывают картину мощного развития промышленности

⁷³ Официальный сайт Елагиноостровского дворца-музея. См. по адресу: <https://elaginpark.org/central-park/museums/elaginoostrovskiy-dvorets-muзей/> (ссылка последний раз проверялась 25.04.2021).

⁷⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 51. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

⁷⁵ Ильин Л.А. Парк культуры и отдыха в Ленинграде. Л., 1929. С. 1.

⁷⁶ Название данной группы островов с 1934 г.

⁷⁷ Официальное название Каменного острова в 1920–1989 гг.

⁷⁸ Шмидт Б.Е. Елагин остров. С. 88.

⁷⁹ Путеводитель по Ленинграду: С прил. карты Ленинграда. С. 239.

⁸⁰ Там же. С. 193, 235–236.

Ленинграда и всего Советского Союза. Особое место в системе городка занимает павильон занимательной науки, созданный по проекту проф. Перельмана. Задача этого павильона — в легко усваиваемой и занимательной форме демонстрировать основные законы математики, миропознания, физики, химии, географии и других наук»⁸¹.

Так высокий дух Елагина острова, наследующий эстетику дворянского вкуса, оказался втянут в круговорот «народных гуляний» нового времени, дворец на долгие годы оказался закрыт для широкой публики, а коллекции расформированы по самым разным местам. Советскому режиму музей в том виде, в котором он существовал в 1920-е гг., был неудобен и служил скорее отягощением в бюджете, чем рупором коммунистической пропаганды. Тем не менее, сам факт существования музея истории и быта в стенах Елагина дворца в первые годы советской власти интересен современным исследователям. Мы можем проследить уникальные для истории музейного дела взаимоотношения музея и власти, музея и других организаций, музея как частично самостоятельной финансовой единицы. На примере работы Елагиноостровского дворца-музея мы можем рассмотреть, как в 1920-е гг. осуществлялась реставрация, насколько несовершенной была система учета, насколько незамысловатые по своей тематике устраивались выставки. Данный материал, безусловно, важен для истории музейного дела.

Список литературы

Анисимова М.В. Историко-бытовой отдел Русского музея: формирование, развитие, ликвидация // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 108–117.

Анциферов Н.П. Непостижимый город. СПб.: Лениздат, 1991. 333 с.

Демидова Д.А. Парк на Елагином острове в Санкт-Петербурге // Вестник МГУЛ—Лесной вестник. 2000. № 5. С. 44–52.

Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917—I половина 60-х гг.). М.: [Б. и.], 1988. 151 с.

Трофимова Н.Ю., Цветаева М.Н. Философия историко-культурного пространства Санкт-Петербурга на примере наследия Каменного и Елагина островов // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 124–132.

Шмидт Б.Е. Елагин остров. Императорский дворец: История и архитектура. СПб.: Арт-Палас, 1999. 170 с.

References

Anisimova, M.V. Istoriko-bytovoĵ otdel Russkogo museya: formirovanie, razvitie, likvidaciya [Historical-household department of the Russian Museum: formation, development, liquidation], in *Istoricheskiy jurnal: naychnye issledovania*. 2020. Vol. 4. P. 108–117. (In Rus.).

Antsiferov, N.P. *Nepostigimyj gorod* [The Incomprehensible City]. Saint-Petersburg: Lenizdat Press, 1991. 333 p. (In Rus.).

Demidova, D.A. Park na Elaginom ostrove v Sankt-Peterburge [Park on Elagin Island in St. Petersburg], in *Vestnik MGUL—Lesnoy vestnik*. 2000. Vol. 5. P. 44–52. (In Rus.).

Ravikovich, D.A. *Formirovanie gosudarstvennoj musejnoj seti (1917—I polovina 60-h gg.)* [Formation of the state museum network (1917—the first half of the 1960s)]. Moscow: [Without name of publisher], 1988. 151 p. (In Rus.).

⁸¹ Там же. С. 239.

Schmidt, B.E. *Elagin ostrov. Imperatorskij dvoretz: istoria i arhitektura* [Elagin Island. The Imperial Palace: history and architecture]. Saint-Petersburg: Art-Palace Press, 1999. 170 p. (In Rus.).

Trofimova, N.Yu., Tsvetaeva, M.N. *Philosophia istoriko-kul'turnogo prostranstva Sankt-Peterburga na primere nasledia Kamennogo i Elagina ostrovov* [The philosophy of the historical and cultural space of St. Petersburg on the example of the heritage of the Kamenny and Elagin Islands], in *Khristianskoe chtenie*. 2020. Vol. 5. P. 124–132. (In Rus.).